

С. В. НИКОНЕНКО

Аналитическая философия. Основные концепции

<Фрагменты>

Созданная Расселом в 1905 г. *теория дескрипций* преодолевает «парадокс анализа». Теория дескрипций выступает центральной теорией в логике неореализма. Она должна удовлетворять возможности сведения знания к непосредственно знакомым элементам. Формально теория может быть сформулирована a priori. Основная проблема теории дескрипций выводится на при мере высказывания «Скотт — автор романа *Веверлей*». «Утверждение “Скотт — автор *Веверлей*” выражает тождество, а не тавтологию <...> Для всех, кто не изучал логику, это совершенно ясно. Но для логика в этом заключена головоломная трудность <...> Необходимо различать между именем и дескрипцией. “Скотт” — это имя, а “автор *Веверлей*” — дескрипция* . В самом деле, если вспомнить анализ понятия «брат» у Мура, то никакой «головоломной» трудности не существует. Мур просто переводит одно непосредственно понятное высказывание в другое. Важно только, чтобы analisandum и analisans не совпадали по объему и analisans имело более «простое» содержание. Рассел *отказывается* от муровского типа анализа, анализа «в одной плоскости». Имя и дескрипция для него *онтологически* различны. Если имя обозначает идею в нашем уме, то дескрипция связывает это имя с реальностью. В этом смысле: «“Автор *Веверлей*” не означает ни “Скотт”, ни что-либо другое, то есть “автор *Веверлей*” ничего не означает** . Он здесь имеет в виду, что “автор *Веверлей*” ничего не означает в смысле дескрипции имени «Скотт», поскольку дескрипция относится только к *реальности* имени и *ничего* не прибавляет к этой реальности.

* Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993. С. 26.

** Там же. С. 27.

Например, если мы понимаем русский язык, то мы должны понимать лингвистическое значение фразы «автор *Веверлея*», даже если мы не слышали ее до сих пор. Имя же «Скотт» ничего не обозначает, поскольку значение данного слова не зафиксировано в языке. «Скотт» может обозначать все, что угодно: имя человека, кличку собаки, название корабля или горы. Поэтому единственный способ доказательства того, что Скотт — автор *Веверлея*, — это апелляция к фактическому событию: «Фактически Скотт был автором *Веверлея* тогда, когда никто не называл его так, когда никто не знал, был ли он автором или же нет, и факт, что он является таковым, был физическим фактом, фактом того, что *он сидел и писал книгу своей собственной рукой* (курсив мой. — С. Н.), что никаким образом не связано с тем, как его звали»*. Высказывание «Сэр Вальтер Скотт существует» не означает прямого утверждения о реальном существовании этого человека. Скорее, мы знаем о Скотте через анализ некоторых предполагаемых свойств, отраженных в дескрипциях, например: «автор *Веверлея*», «английский писатель» и т. д. Король Георг IV, если бы захотел узнать, действительно ли Скотт — автор *Веверлея*, проверил бы подлинность авторства Скотта, а не тождество разума Скотта с разумом Скотта. Высказывание «автор *Веверлея*» само по себе означает нечто, но оно ничего не означает в составе высказывания «Скотт — автор *Веверлея*», поскольку можно было бы с таким же логическим успехом сказать «Кромвель — автор *Веверлея*». Почему же возникает уверенность, что «автор *Веверлея*» прибавляет нечто к имени «Скотт»? Рассел полагает, что это вызвано непониманием того, что само по себе высказывание еще не включает в себя *проверку* этого высказывания. Верификация высказывания, тем самым, относится к будущему; и именно в ходе верификации появляется проверка и уточнение, которое ошибочно относят к *моменту* произнесения высказывания. Например, Цезарь очень давно, по-видимому, перешел Рубикон, но наша верификация этого суждения ошибочно относится во времени к моменту после нашего высказывания, тогда как ее необходимо отнести ко времени реального события, т. е. подвергнуть проверке сам *факт* события, а не наше *высказывание* о нем.

Итак, для того чтобы автор *Веверлея* мог существовать, необходимо наличие двух свойств у высказывания «*X* — автор *Веверлея*»: 1) оно должно быть истинно по крайней мере для одного *X*; 2) оно должно быть истинно самое большее для одного *X*. Если бы никто не писал *Веверлея*, то условие (1) не было бы соблюдено. В этом случае анализ бессилён пойти далее абстрактного предположения типа

* Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 71.

«Автор *Веверлея* существует». В реальности, если мы хотим сохранить логическую строгость, следует принять точку зрения *анонимности* романа *Веверлей* (так, в Эрмитаже подписаны некоторые картины: «Неизвестный художник XVIII в.»). В случае невыполнения условия (2) возникают несколько претендентов на авторство *Веверлея*. Здесь, несомненно, Рассел советует следовать фактам. Например, можно установить, что Шекспир не писал *Веверлея*, так как не сохранилось рукописей, изданий и свидетельств современников. Но с логической точки зрения для Рассела существует практически неразрешимая трудность. Чтобы доказать, что Скотт — не просто автор *Веверлея*, а *единственный* автор *Веверлея*, необходимо «обозреть Вселенную и установить, что все в ней либо не писало *Веверлея*, либо не было Скоттом»*. Понятно, что с практической точки зрения подобная «перестраховка» приведет к всеобщему скептицизму, но Рассела интересуют только логические, а не фактические и лингвистические критерии. Вероятно, Рассел прав, доказывая, что логика не обеспечит *абсолютной* уверенности в том, что только Скотт написал *Веверлея*.

По Расселу, дескрипции неоднородны и делятся на «определенные» и «неопределенные». Определенные дескрипции единичны и строятся по форме «*the so-and-so*» («это так-то и так-то»), а неопределенные — по форме «*a so-and-so*» («*нечто* так-то и так-то»). Английский язык как один из самых строгих современных языков, по Расселу, в значительной мере позволяет проиллюстрировать различие двух типов дескрипций. Например, неопределенные дескрипции присутствуют во фразах: «Это — собака» («*This is a dog*») или «Это — город» («*This is a city*»). Определенные дескрипции присутствуют во фразах другого рода: «Количество жителей Лондона» («*The number of London inhabitants*»). «Дай мне эту книгу» («*Give me the book*») и т. д. Тем не менее, лингвистическим критериям можно доверять только в определенных пределах. Например, во фразах «Существует круглый квадрат» или «Существует четное и простое число больше, чем 2» присутствует фора определенной дескрипции, чем они и вводят в заблуждение. «Важное следствие теории дескрипций заключается в том, что бессмысленно сказать: “А существует”, если “А” не является (или не обозначает) фразу формы “определенный такой-то и такой-то”. Если определенный такой-то и такой-то существует и *x* есть такой-то и такой-то, сказать “*x* существует” бессмысленно. Существование в том смысле, в котором оно приписывается единичным сущностям, таким образом, удаляется из списка категорий. Обнаруживается, что онтологический аргумент и боль-

---

* Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 48.

шинство его опровержений зависят от плохой грамматики»*. Если проанализировать последний пример, то получится следующее: 1) бессмысленно говорить о существовании А, если А не обозначает фразу «определенный такой-то и такой-то»; 2) сама то себе фраза «определенный такой-то и такой-то» не говорит еще о существовании А.

Таким образом, налицо противоречие и замкнутый круг. Но все становится на свои места, если учесть момент «плохой грамматики». В случае (1) речь идет о *формальном* существовании А, которое вполне можно осмысленно допустить. Например, высказывая фразу «Сталин был убийцей Ленина», вполне можно допустить, что А (Сталин) существует. В случае же (2) речь идет о *реальном* существовании А как субъекта дескрипции. Поэтому фраза «Сталин был убийцей Ленина» сама по себе не утверждает ни того, что события были *в действительности* такими, ни того, что свойство «убийца Ленина» можно приписать Сталину. Поскольку Рассел реалист, то высказывание (2) для него первостепенно: фактические критерии проверки доминируют над логическими. По его мнению, «основной принцип в анализе положений содержащих описание, которое мы можем понять, должно состоять из составных частей, вам непосредственно знакомых»**.

Рассмотренный выше принцип «знания по знакомству» служит эпистемологическим обоснованием логической достоверности. Имя, если оно обозначает индивида, может быть приложено только к тому индивиду, с которым говорящий знаком. Рассел считает, что человек должен находиться в ситуации Адама, когда он знакомился с проходящими перед ним один за другим зверями и давал им имена. Например, как это ни странно, на первый взгляд, нельзя именовать Сократа, ведь мы с ним не знакомы. «Сократ» на самом деле — дескрипция; мы знаем Сократа по описаниям Платона, Ксенофонта и других знакомых с ним лиц. По этому принципу строятся все воспоминания, и там, в отличие от обыденных ситуаций, любой здравомыслящий человек согласится, что он ничего не может сказать определенного о личности Блока, если не был с ним знаком. Дж. Пассмор, на наш взгляд, верно отмечает, что Рассел выводит это положение вопреки грамматической видимости. Сократ кажется тем, о ком говорится в языке, на самом же деле «Сократ» — субъект описания, а не субъект знакомства.

Вообще, многие трудности, описываемые Расселом, происходят не столько от несовершенства грамматических критериев, сколько от убежденности в реальном существовании высказываний и субъ-

* Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 515.

** Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 1914. С. 44.

ектов высказываний, убежденности, ни на чем, в сущности, не основанной. Высказывания, будучи описанием мира, тем не менее не входят в мир. В мир входят факты, убеждения, желания, мысли, но не высказывания. Используя известную поговорку о здравии китайского императора, можно сказать, опираясь на теорию дескрипций: «Для существования китайского императора совершенно безразлично, что мы о нем говорим (и говорим ли мы о нем вообще). Анализ, рассматривающий ложное убеждение как отношение к тому, что на самом деле ничто, не может быть правильным. Это возражение на предположение о том, что убеждение просто-напросто состоит в отношении к объекту. Очевидно, если вы говорите: “Я верю в Гомера”, а такого человека, как Гомер, нет, ваше убеждение не может быть отношением к Гомеру, поскольку “Гомер” не существует. Каждый факт, имеющий место в мире, должен быть полностью составлен из существующих конститuent, а не из конститuent, которые не существуют. Следовательно, когда вы говорите: “Я верю в Гомера”, не может быть правильным анализ вещи, полагающий ее таким способом»*. Таким образом, при установлении чего-то как существующего в анализе нужно руководствоваться прежде всего *непосредственно знакомыми* «конститuentами», не зависящими ни от какого сознания. Один из единомышленников Рассела Ч. Д. Броуд, правда, видел в этом положении определенные затруднения. Например, «вера» в Гомера не основывается на чувственных данных, порожденных телом в определенном месте и ситуации. Поэтому, по Броуду, фактическая проверка существования Гомера просто невозможна, так как это «ненормальный» случай восприятия. Броуд тем самым считает, что положения Рассела о фактических критериях существования допустимы только для «нормальных» ситуаций восприятия, т. е. для ситуаций непосредственного знакомства. Нельзя сказать, что Рассел не предвидел возражений типа этого аргумента Броуда; ведь все подобные возражения сводятся к одному вопросу, на который должна ответить теория дескрипций: каков логический и онтологический статус мыслимых и воображаемых сущностей?

Проблема определения статуса воображаемых сущностей возникла у Рассела во многом под влиянием феноменологии Мейнонга и Гуссерля. Мейнонг полагал, что, например, золотая гора реально не существует, но высказывание о золотой горе как понятии логически допустимо. Суть возражения Рассела Мейнонгу сводится к следующему: поскольку золотая гора реально не существует, то она невозможна и в качестве логического субъекта; поэтому необходи-

---

* Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 45.

мо *реформировать саму логику*, сделав ее наукой о реальности суждений, а не наукой о суждениях самих по себе. Логика сама по себе может установить только осмысленность, но не истинность высказывания. Возьмем, например, предложение «Этот человек не имеет сыновей или имеет их несколько». Выражение «Единственный сын этого человека» для Мейнонга и Фреге представляет собой обозначение нулевого класса; Рассел же настаивает на искусственности этой процедуры, которая, хотя и не содержит в себе логических ошибок, не ведет тем не менее к анализу реального положения дел. Логически доказать несуществование золотой горы в этой связи означает доказать, что *не существует объекта А*, такого, что высказывание «*x* — золотая гора» истинно только тогда, когда *x* есть *A*, и не иначе. Мнение Рассела: «Мейнонг утверждает, что есть такой объект, как круглый квадрат <...> И когда вы говорите, что “круглый квадрат — это фикция”, то рассматриваете это так, что есть такой объект “круглый квадрат” и есть такой предикат “фикция”. Никто, обладающий чувством реальности, не анализировал бы эту пропозицию таким образом. Он видел бы, что данная пропозиция требует такого анализа, при котором вы не должны рассматривать круглый квадрат как конституенту этой пропозиции. Предполагать, что в действительном мире природы существует целое множество ложных пропозиций, по моему мнению, чудовищно. Я не могу склониться к такому предположению. Я не могу поверить, что они есть в том смысле, в каком есть факты»*. Например, когда я говорю: «Я живу в Санкт-Петербурге», то я не имею в виду мое состояние разума. Это, скорее, физическое событие, факт моего проживания в определенном месте. Высказывание же «Иоанн Грозный живет в Санкт-Петербурге» недопустимо, так как оно не указывает ни на что *за пределами* моего воображения.

Возьмем высказывание «*Современный король Франции лысый*», которое Рассел преобразует и более строгую форму: 1) существует один, и *только один*, король Франции; 2) каждый, кто является королем Франции, лысый.

Данное высказывание осмысленно и непротиворечиво. Им можно оперировать в языке. Но является ли истинность данного высказывания результатом соответствия определенным установленным критериям истинности вообще? Для Рассела это серьезная проблема. Он отвергает притязания логической истины быть реальной истиной, но вместе с тем не видит в пределах логики возможности устранения этого парадокса. Это, на наш взгляд, ошибочный ход. Анализируя высказывание «Скотт автор *Веверлея*» мы попытались

---

* Там же. С. 48.

показать, что Рассел был на правильном пути, полагая, что логика неизбежно требует выхода за пределы своего предмета с целью обоснования ее основоположений, поскольку она неизбежно *относит понятие к реальности*. И. С. Нарский верно отмечает, что «парадокс исчезает в результате того, что заимствованные из этой теории (теории дескрипций. — С. Н.) приемы позволяют ясно отчленивать проблему реального существования предметов, о которых нечто высказывается, от формальной логики»*. Новация Рассела заключается в том, что для отрицания высказывания «Современный король Франции лысый» можно отрицать не только то, что он лысый, но и то, что он существует, т. е. отрицать *любую* из двух частей этого высказывания. «Вы можете отрицать одну часть, которая ведет к предположению, что нынешний король Франции существует, но не лыс, или другую часть, которая ведет вас к отрицанию того, что нынешний король Франции существует; любое из этих двух отрицаний ведет вас к ложности пропозиции “Нынешний король Франции лыс”»**. Таким образом, устанавливается единственно возможный критерий существования (существование Рассел всегда считал одним из самых двусмысленных понятий в философии) — *фактическое существование*.

Тем не менее в своем логицизме Рассел не идет последовательно и решительно. Он упорно верит в *осмысленность* суждений о современном короле Франции. Это выглядит так: суждение «*x* — современный король Франции, который лысый» осмысленно. Но если сказать: «Людовик XX — современный король Франции, который лысый», то это будет бессмысленно. Рассел вместе с тем недостаточно четко установил соотношение «осмысленности» и «реальной истинности». Ставя осмысленность в зависимость от фактического положения дел, Рассел, с другой стороны, допускает возможность существования того, что может быть *только осмысленным*. Тезис о том, что высказывание *не касается* вопроса о существовании, также спорное. Рассел пишет: «Я хочу подчеркнуть, что общие пропозиции должны интерпретироваться как не затрагивающие существования. Когда, например, я говорю: «Все греки являются людьми», я не хочу, чтобы вы предполагали, что эта пропозиция влечет за собой существование греков»***. В последнем Рассел совершенно прав, но он же доказывает, что для проверки содержания высказывания необходимо *выйти за пределы логического смысла* этого высказывания, выйти в область фактов. Поэтому это высказывание, претендующее на утверждение существования греков, не *чисто ло-*

* Нарский И. С. Современный позитивизм. М., 1961. С. 152.

** Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 77.

*** Там же. С. 54.

гическая сущность, как это представляет английский философ. Рассел прав, когда говорит, что не следует искать в реальном мире объект, соответствующий союзу «или», но не прав, когда считает «или» чисто логической сущностью*. С помощью этого союза не только соединяются понятия в уме, но и ведется выбор из совокупности реальных объектов. Говоря ребенку: «Дай мне яблоко *или* грушу», нелепо требовать от него, чтобы он понимал «или» только как логическую и лингвистическую сущность, безотносительную к яблоку или к физическому действию взятия яблока в руку.

В своем развитии теория дескрипций Рассела достигает окончательной модели, которую он назвал «*логическим атомизмом*». В основе логического атомизма лежит следующий принцип: «Всякое восхождение по ступеням абстракции уменьшает разницу между мирами отдельных людей. Когда мы приходим к логике и чистой математике, всякая разница вообще исчезает»**. В отношении любой отдельно взятой дескрипции можно ответить на вопрос: описывает ли эта дескрипция атомарный факт? Если она описывает совокупность фактов, то необходимо редуцировать эту дескрипцию до простых дескрипций, описывающих атомарные факты. Поэтому атомарные высказывания не должны содержать в себе части, которые сами по себе являются высказываниями, а также не должны включать понятия типа «все», «некоторые», «часть» и т. п. Атомарное высказывание, таким образом, описывает атомарный факт, содержит только один глагол и не содержит всеобщность (или ее отрицание). Все остальные правильно построенные высказывания считаются «молекулярными» и могут быть разложены на несколько атомарных.

Очевидно, что последний тезис противоречит диалектике части и целого в учении Гегеля и главному положению теории логической связанности Брэдли. По Расселу, атомистическая логика противостоит «монистической логике» и не рассматривает реальность и знание как единые целостные сущности. Рассел также отвергает гегелевский принцип тождества законов мышления и бытия, считая атомизм исключительно логической концепцией: «Причина, по которой я называю свою доктрину *логическим атомизмом*, состоит в том, что атомы, которые я хочу получить как конечный результат анализа, являются логическими, а не физическими»***.

* Несмотря на идеалистический характер своей логики, Фреге, на наш взгляд, более последователен, чем Рассел, в утверждении *пустоты* любого высказывания, не высказанного о конкретном предмете (например, «Небо есть»).

** Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997. С. 106.

*** Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 5.

В логическом атомизме Рассела вводятся новые понятия, которые при успешном применении могут существенно усилить действенность аналитического метода. Рассел вводит понятие «*отрицательный факт*», который обозначает нечто, относительно чего можно сказать: «нет такого факта, как *L*». Если *L* — «круглое», то пример отрицательного факта следующий: «Нет такого квадратного, которое круглое» или «Круглое не есть квадратное». Предлагает Рассел ввести и понятие «*абстрактный факт*», когда мы оперируем фразами с неопределенным содержанием. Например, конкретному факту «Сократ жил раньше Платона» предшествует абстрактный факт «Нечто имеет определенное отношение к нечто». Допущение атомарных, молекулярных, отрицательных, абстрактных фактов преследует единственную цель: привести все высказывания в форму простых, точных и описательных пропозиций. По мнению Рассела, «занятие тем, что я называю “логическим атомизмом” подразумевает убеждение в том, что мир можно разложить на некоторое количество отдельных предметов, связанных отношениями и т. д., и что аргументы, используемые многими философами против анализа, не оправданы»*. Таким образом, логический атомизм в теории Рассела и его последователей выступает логической сущностью аналитического метода, хотя, конечно, аналитический метод ошибочно сводить только к логическому атомизму. Логический атомизм учит, что в ходе анализа недостоверные, гипотетические и абстрактные высказывания постепенно заменяются более точными, детальными и проверенными высказываниями. Если это происходит, то познание прогрессирует <...>

Теория истины Рассела во многом похожа на муровскую, но содержит ряд отличительных особенностей. Допуская общий для неореалистов тезис о первичности реальной истины по отношению к логической истине, Рассел стремится доказать его чисто логически, разграничивая логический и эпистемологический анализ. Как считает Рассел, можно допускать без доказательств только «факты чувственного опыта, а также принципы математики и логики, включая индуктивную логику, применяемую в науке»**. Несомненно, для Мура, Уайтхеда и многих других неореалистов это высказывание более чем спорно. Высказывание Рассела о возможности истинности *чистых* положений логики и математики противоречит его же положению теории дескрипций, согласно которому истинность и ложность всегда зависят от того, *что* лежит вне самого высказывания, т. е. в факте. По Расселу, истинность не может быть свойством *высказывания*, а может быть только свойством *убеждения*. Убеждение

* Там же. С. 15.

** Russell B. The Faith of Rationalist. London, 1947. P. 2.

отличается от высказывания тем, что в нем обязательно высказыва-ется что-то о чем-то, находящемся *вне* объема этого высказывания.

Обратимся к известному комментарию Рассела, высказанному по поводу парадокса «Лжец», приписываемого Эпимениду Критско-му. Рассмотрим высказывание «Я лгу». «Если он лжет, то ложно, что он лжет, и, следовательно, он говорит правду; но если он говорит правду, то лжет, ибо именно это он утверждает»*. Он анализирует этот парадокс с целью критики гегелевской диалектической логики, которая «живет за счет противоречий». На самом деле парадокса не существует, поскольку высказывание «Я лгу» рассматривается как утвердительное и положительное, а не как противоположность высказывания «Я говорю правду». Рассел считает, что анализи-ровать высказывание «Я не говорю правды» (или «Я лгу») можно, выходя за пределы противоречия «правда — ложь». Формально, человек будет лгать, если он говорит все, кроме того, что он знает, или того, что есть на самом деле. Например, на требование «Открой тайну золотого ключика!» можно ответить: «Тайна золотого ключи-ка в том, что трамвай имеет электромотор» (другое дело, что психо-логически это сложно, потому что никто не поверит).

Поскольку критерием истины выступает соответствие содержания высказывания фактам, то в различных описаниях мы можем столкнуться с ситуацией *частичного* описания этих фактов. Например, можно сказать, что теория Коперника описывает Солнечную систему, но теория Ньютона содержит *более* точное описание. По отношению к теории Эйнштейна теория Ньютона, наоборот, выступает как *ме-нее* истинная. Рассел считает, что ситуация всегда будет запутанной, если «истинность» будет предикатом, который либо приписывается, либо нет. Например, с этой точки зрения и теория Коперника, и теория Ньютона будут ложными, а истинность можно приписать только абсолютному. Критикуя идеалистические концепции истины, Рассел полагает, что истинность следует поставить в зависимость от *точности описания реального факта*. В этой связи он вводит понятие *степени* истины и вводит идеи теории вероятности в математическую логику. Дав логическое обоснование учению о степенях истины, Рассел пишет: «Пусть $P(x)$ означает “ x обладает предикатом P ”. Давайте обзирать все известные примеры вещей такого рода, от которых можно ожидать, что они являются предикатом P ; предположим, что число таких вещей — n . Предположим далее, что в m таких случаев мы сможем с уверенностью утверждать, что “не $P(x)$ ». Тогда m/n представляет меру точности нашего полагания P »**.

* Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. Из-бранные тексты. М., 1993. С. 22

** Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 114.

Понятно, что обиденный язык должен быть исключен из формул Рассела. Не важно, что мы предполагаем, во что верим и в чем убеждены. Важно только то, что существует m случаев, когда x соответствует фактам, и n случаев, когда x не соответствует фактам. Тем самым степень истины прямо пропорциональна *степени соответствия фактам*. Но что такое «факт» и что такое «ссылаться на факты»? В каждом труде Рассел касался этой темы. «Значение предложения имеет, таким образом, по-видимому, два аспекта: с одной стороны, оно “выражает” состояние человека, произносящего предложение, и, с другой стороны, оно указывает, помимо настоящего состояния, на что-то, в силу чего он может быть истинным или ложным. То, что утверждаемое предложение выражает, есть *вера*; то, что делает его истинным или ложным, есть *факт*, который, в общем, отличен от веры. Истина и ложь связаны с отношением к внешнему; это значит, что никакой анализ предложения или веры не скажет, истинно оно или ложно»*. За исключением некоторых случаев математики и логики, «вера» (т. е. субъективное убеждение) несущественна в вопросе определения истинности и ложности; значим только вопрос о соответствии содержания высказывания фактам. Рассел здесь по-своему следует Платону, который считал, что знание мудрого человека глубже мнения «толпы», пусть даже мудрец окажется один против всех.

Факты не имеют ничего общего с верой. Принадлежа объективному миру, они не создаются нашими мыслями или убеждениями. Рассел тем самым отмежевывается от идеалистов, которые включали мысли и образы в число фактов. В отличие от мыслей и убеждений, факты не могут быть истинными и ложными (причем в определенной степени) в зависимости от того, правильно или неправильно высказывания описывают факты. Но сами факты дождя и вращения Земли нейтральны по отношению к логике. Бессмысленно было бы в ходе анализа теории прийти к положению «Вращение Земли вокруг Солнца — истинно само по себе».

Итак, истина или ложь, с точки зрения логического анализа неореалистов, может быть предикатом, приписанным только выражающим убеждение высказываниям. Возможно только два отношения высказывания к факту — быть истинным или быть ложным, соответствовать или не соответствовать. *Истинное отношение между высказыванием и фактом есть отношение соответствия* — так формулируется главное положение *теории соответствия* (correspondence theory), наиболее четко обозначенной в логике Мура и Рассела и вызывающей в аналитической философии бурные деба-

---

* Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997. С. 125.

ты и по сей день. Последовательно проведенная теория соответствия должна допустить только тот язык, в котором для каждого простого объекта будет не более одного слова; а все сложное будет не более чем комбинацией простых слов согласно определенным правилам. Мур утверждает: «Все, что я собираюсь доказать, это то, что *очень часто*, когда мы говорим, что убеждение истинно, это убеждение обладает свойством, которое приписывается ему и выражается словом “истинное”, только тогда, когда оно соответствует факту. Это и есть основной пункт моей теории истины»*. Неореалисты искренне полагали, что язык «Principia Mathematica» заложил основы нового точного языка науки, выражающего дух подлинного реализма. Однако уже Витгенштейн и Айер доказали несостоятельность подобного символизма. Аналитическая философия уже в 1930-е гг. ушла в своем развитии от теории соответствия. Но эта теория и по сей день — идейный центр аналитической философии. Любой аналитик, вступая на философское поприще, должен прежде всего определиться по отношению к теории соответствия <...>

Приведем два примера и сравним позиции Рассела и Стросона.

1. «*Этот стол завален книгами*».

Рассел: Высказывание будет иметь смысл, если все его составляющие будут обозначать факты и отношения между фактами, такие как «Объект *A* называется “стол”», «Объект *B* называется “книга”», а «быть заваленным» — это «наличие многих объектов *B* на поверхности объекта *A*». Тем самым данное высказывание описывает физические объекты и их отношения.

Стросон: Данное высказывание не влечет за собой вопроса «О каком объекте это предложение?». Оно не говорит о чем-то, а взято *для примера*. Хотя здесь речь идет о физических объектах, это высказывание может употребляться и вне связи с ними.

2. «*Современный король Франции лысый*».

Рассел: Это запрещенный случай для логики, поскольку точно не определен статус «современного короля Франции». Пока не будет установлено существование короля Франции, все высказывания о нем являются фактически ложными.

Стросон: Необходимо различать правила референции и правила приписывания. «Современный король Франции» — это индивидуальная сущность, созданная в воображении; поэтому ей можно приписать любые свойства. Это можно сказать также и потому, что этот король существует не вообще, а определенным образом.

Когда мы говорим о современном короле Франции, никого при этом не упоминая, высказывание не перестает быть значимым.

* Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. New York, 1959. P. 280.

Здесь мы *не* говорим о конкретном лице и *не* делаем ложного утверждения о существовании человека под этим именем. Если мы скажем: «Мудрый король Франции живет в золотом дворце и у него сто жен», все бы прекрасно поняли эту фразу.

Таким образом, теория дескрипций Рассела, вводя *всеобщие* критерии языка, не учитывает «индивидуально референтные» способы употребления высказываний. Поэтому язык теории дескрипций бессиле учитывать многие случаи употребления языка, такие как поэзию, сказки, метафоры и т. д. По Стросону, существует масса случаев, когда мы говорим о чем-то и описываем что-либо *без* обязательной ссылки на способ существования. Примером может быть язык художественного творчества: «Единственный метод описания произведения искусства <...> — это сказать: “Оно таково” и затем воспроизвести его. И, конечно, это не является методом *описания* вообще»*. Когда мы говорим: «Репин выразил свои впечатления в известной картине, увидев волжских бурлаков», речь может идти только о сюжете картины (например, выражениях лиц бурлаков), а не об эмоциях самого Репина, которые, несомненно, были важным побудительным мотивом для замысла этого полотна <...>

Уже начиная с книги «Анализ разума» (1921), Рассел постепенно переходит на позиции логического анализа, совмещающая их с прежними нереалистическими убеждениями. В 1940 г. после выхода книги «Исследование значения и истины» отход Рассела от неореализма оформился окончательно.

В области эпистемологии Рассел отказывается от прежней неореалистической интерпретации опыта, в центре которой стоит теория чувственных данных. Рассел выделяет «обыденный» и «научный» здравые смыслы. Эмпиризм, основанный на обыденном здравом смысле, имеет тенденцию основывать познание мира на свойствах ощущения и, следовательно, ведет к субъективизму: «Научный здравый смысл не имеет ничего общего с подобной трактовкой. Научному здравому смыслу (который я принимаю) ясно, что познана только бесконечно малая часть вселенной, что прошли бесчисленные века, в течение которых вообще не существовало познания, и что, возможно, вновь наступят бесчисленные века, на протяжении которых будет отсутствовать познание»**. В практической жизни, как правило, мир представляет собой совмещение «научной» и «донаучной» конструкций. Многочисленные ситуации, в которых человек воспринимает предмет не в том виде, в каком он на самом деле существует, учат его необходимости проверки своего обыденного восприятия. Например, художник, согласно законам перспективы,

* *Strawson P. F. Freedom and Resentment*, London, 1970. P. 183.

** *Рассел Б. Человеческое познание*. Киев, 1997. С. 7.

рисует стол в виде параллелограмма, хотя знает, что в реальности он прямоугольной формы. В результате может возникнуть доктрина идеалистического типа, утверждающая качественное отличие научных фактов и данных обыденного опыта, которой придерживались, например, феноменологи. Вопреки этому, Рассел предлагает придерживаться последовательного эмпиризма, согласно которому различия между личным и общественными данными — это различие в степени достоверности. «Личный», или обыденный опыт может быть превращен в «общественный», или научный, опыт. Например, Рассела спрашивают: «Ты где?» Он отвечает: «Я здесь». Это положение личного опыта, которое удовлетворит в обыденной жизни, но не в науке. Научный ответ может быть таким: «В 11:32 пополудни 30 января 1948 г. Бертран Рассел находился в пункте 4°3'29" западной долготы и 53°16'14" северной широты»^{*}.

Рассел прав, утверждая, что паука стремится к максимально возможной степени «вытеснения» субъективного момента в познании, но он остается последовательным эмпириком, допуская возможность выведения научных данных на основе данных обыденного опыта. Например, названия цветов употреблялись тысячи лет до открытия волновой теории света. Рассел принимает «мягкую» эмпирическую позицию, согласно которой «мир чувств» и «физический мир» имеют только *некоторые* общие точки соприкосновения. Наука, по Расселу, уже сделала много подорвавших веру в научный реализм открытий. Можно признать, что чувственный опыт даст нам только «базисные» суждения, которые значимы лишь в качестве материала для дальнейшего анализа. «Утверждения о конкретной действительности, которые кажутся нам заслуживающими доверия независимо от каких-либо аргументов в их пользу, можно назвать “базисными” суждениями»^{**}. «Базисные» суждения непосредственно знакомы, поэтому не требуется приводить аргументы в пользу их достоверности. Многие философы, говорит Рассел, хотели доказать, что чувственный опыт даст достоверное знание, забывая о том, что это — только данность, к которой все может быть сведено. Можно с уверенностью сказать, что в любом опыте «перцептивное» ядро обладает большей ценностью, чем все остальное, но нельзя сказать, что все знание можно свести к чувственно воспринимаемому содержанию.

В этой связи «поздний» Рассел рассматривает себя как «рационалиста», но не метафизического рационалиста, а сторонника возможности контроля интеллектом опыта и желаний. Рационалист — это человек, который желает, чтобы люди были разумными. Допуская

* Там же. С. 98.

** Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 15.

рационализм, Рассел принимает некоторые новые идеи. Во-первых, он окончательно переходит на позиции философии логического анализа, когда логический анализ указывает критерии эпистемологического анализа (а не наоборот, как в неореализме). Во-вторых, Рассел переоценивает роль эмпиризма, делая ее менее значимой в своей системе. Даже в молодости он не был последовательным эмпириком, считая эмпиризм неверифицируемым принципом, а теперь окончательно «смягчил» критерии эмпиризма: «Несмотря на сильную склонность к эмпиризму, я не мог поверить в то, что “ $2 + 2 = 4$ ” является индуктивным обобщением, полученным в результате опыта»^{*}. Это положение навеяно Кантом, вполне согласуется с идеями Карнапа и Поппера, которые также настаивали на дедуктивном характере научных гипотез (даже если они высказаны о наблюдаемых фактах). Отвергая локковский сенсуализм, Рассел ограничивает претензии эмпиризма на исключительность. Он уже называет эмпиризм *гипотезой*, которую нельзя верифицировать, т. е. метафизической теорией: «Эмпиризм может быть истинной философией, но если он действительно истинен, мы все-таки не можем этого знать <...> Таким образом, не существует препятствий для отвержения гипотезы эмпиризма»^{**}. Но отвергнув гипотезу эмпиризма, мы попадем в еще большие затруднения. Рассел, например, критикует логических позитивистов за то, что очевидные вещи они трактуют не как данные опыта, а как логические конструкции языка, переходя на позиции субъективного идеализма.

Рассел по-новому определяет понятие «*факт*» — центральное понятие эпистемологического анализа. Все наше знание, по Расселу, начинается с веры, но ведет к факту. На основании того, что невозможно точно определить секунду, не следует, что секунда не может служить достаточно точной величиной для определения времени. Человек, боящийся фикций, никогда не обретет фактов, поскольку он отказывается искать, занимая позицию, выведенную в Экклезиасте: «Все — суета». Рассел пишет: «Наука решает вопросы, вводя нормального наблюдателя, который, до некоторой степени, подобно нормальному человеку в эпистемологии, является фикцией, но не настолько, чтобы стать практически бесполезным. Когда нормальный наблюдатель видит разницу между двумя объектами, например, что один выглядит желтым, а другой голубым, эта разница приписывается различию в самих объектах, а не изменению в субъективном воспринимающем аппарате наблюдателя»^{***}. Тут,

* Рассел Б. Мое философское развитие // Метафизические исследования. № 3. СПб., 1997. С. 199.

** Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997. С. 195.

*** Там же. С. 225.

однако, возникает затруднение. Свойство объекта, с позиции даже объективного наблюдения, становится чем-то «закрепленным» за объектом. Высказывание «Наполеон имел все качества великого полководца» может быть интерпретировано так: Чем бы ни являлось f (Наполеон), то их « x был великим полководцем», следует $f(x)$. Причем, что бы ни представляло собой x , тогда следует f . Тем самым, x оказывается «субстанциональным» качеством Наполеона (f). Рассел так и не преодолел этого затруднения, хотя и считал, что положение о различии имени и дескрипции влечет за собой различную степень «определяющей силы» предиката. Например, то, что f — Наполеон, более существенно, чем то, что f — великий полководец.

Многие положения теории дескрипций для «позднего» Рассела кажутся не только неполными, но и *неточными*. Например, формула определенной дескрипции «*определенный такой-то и такой-то*» уточняется Расселом и приобретает вид «*я сейчас отмечаю как такое-то и такое-то*». Он также уточняет логическое значение глагола-связки «есть» («является»). Приведем две ситуации, выведенные в ходе анализа:

1. Солнце *выглядит* круглым в моем визуальном пространстве, следовательно, Солнце есть круглое.

2. Солнце *является* круглым в физическом пространстве, следовательно, Солнце есть круглое.

Рассел считает, что «круглость» в визуальном и физическом пространстве в этом случае совпадает, но та бывает не всегда. Например, Мур отметил, что из того, что монета *выглядит* под углом как эллипс, не следует, что она *является* эллипсом. Поэтому Рассел рекомендует во всех возможных случаях употреблять выражения типа (2) и не употреблять выражения типа (1). Причем он стремится «очистить» значение глагола «является» от кантовского субъективизма, который понимал «является» как « x может быть представлено». По Расселу, снег является белым, даже если он не может быть представлен. Александр предшествует Цезарю, даже если мы не понимаем, что такое «предшествует». И все же, хотя мы можем достаточно ясно определить факт, для Рассела «все-таки остается более или менее неясным вопрос о том, что представляет собой то, во что мы верим»*.

Уже для «раннего» Рассела истина — это предикат, имеющий степени. Для «позднего» Рассела истина выступает как обоснованная вероятность того, что это утверждение наиболее достоверное из всех других возможных утверждений. Таким образом, истина — это *наибольшая степень вероятности знания*. Чем более общие абстракции мы имеем, тем больше знаний истинных, в силу исчезновения

* Там же. С. 162.

разницы между субъективными мирами отдельных людей и усиления «общественного» элемента в познании.

Истина — вероятность на основании невозможности полного перечисления посылок для осуществления индуктивного вывода (Рассел всегда скептически относился к учению Поппера о дедуктивном характере «предположений»). Например, высказывание «Все вдовы были замужем» истинно, но для этого нет основания перечисления всех вдов. В пределах знания, в силу недоступности многих фактов, всегда будет сомнение, не изменят ли новые обстоятельства это убеждение. Например, существует вероятность того, что в какой-то культуре вдовами считают тех женщин, которые имели ныне умерших любовников. Может быть и другая ситуация. Женщине приходит извещение, что ее муж убит на войне. Ее признают вдовой. Но на самом деле ее муж был только ранен и сейчас в плену, т. е. эта вдова тем не менее не вдова. Чтобы быть готовым к таким сюрпризам, Рассел призывает лучше разрабатывать методологию логического анализа. Во всех случаях следует принимать наиболее правдоподобное положение, наиболее соответствующее фактам: «Предложение достоверно, если оно имеет наивысшую степень правдоподобия, которое или внутренне присуще этому предложению или является результатом доказательства. Может быть, ни одно предложение не является достоверным в этом смысле, то есть, каким бы достоверным оно ни было по отношению к знанию данного лица, дальнейшее познание может повысить степень его правдоподобия»*. Рассел делает эту оговорку, не желая допустить даже возможности существования абсолютной, незабываемой истины.

Отношение *соответствия* факта и предложения, базовое в теории истины философии логического анализа, для Рассела выглядит «многозначным». Это значит, что одно и то же предложение может трактоваться по-разному в плане определения факта, которое оно описывает. Например, предложение «Это металл» удовлетворяет многим целям; но для других целей важно знать, *какой* металл имеется в виду. Например, во всех фразах типа «Кольцо сделано из золота» мы можем изменить «золото» на «металл», причем соответствие не нарушится. Тем самым синонимия, по Расселу, оказывается грамматическим, а не логическим критерием. Истинность предложения можно установить, используя синонимы и аналогии, но последние, в свою очередь, должны прямо указывать на соответствующие факты. «Что делает предложение интересным, так это его значимость или, говоря более определенно, его способность *выражать* мнение и *указывать* на факты (или же терпеть в этом неуда-

* Там же. С. 424.

чу)»*. Причем не имеет существенного значения, будет ли отношение соответствия предложения и факта прямым или косвенным.

Интерес в философии логического анализа Рассела вызывают те случаи, когда не существует возможности указать на конкретные факты. Например, возьмем суждение: «Существуют люди в Семипалатинске». Оно истинно благодаря конкретным фактам (т. е. людям, живущим в этом городе), но ведь мы не можем указать ни одного конкретного жителя? По Расселу, тут мнимое затруднение. Нам не обязательно знать конкретные факты в тех случаях, когда суждение касается *всех* фактов подобного рода. Это высказывание поэтому верифицируется *любым* количеством фактов, причем ни один из этих фактов не будет единственным верификатором высказывания. Например, можно сказать, что *A* находится в Семипалатинске и является человеком, *B* находится в Семипалатинске и является человеком и т. д. В этой связи верифицируемыми суждениями можно считать любые суждения, которые соответствуют или не соответствуют опыту, даже если верификаторы не могут быть точно определены. Верификация в логическом анализе Рассела, таким образом, не определяет критерии истины, а определяет только те условия, при которых могут быть высказаны истинные суждения. Суждение *верифицируемо*, если, и только если, *может* быть определена его истинность или ложность. Истина же зависит не от верифицируемости, а от соответствия суждения фактам.

---

* Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 234.